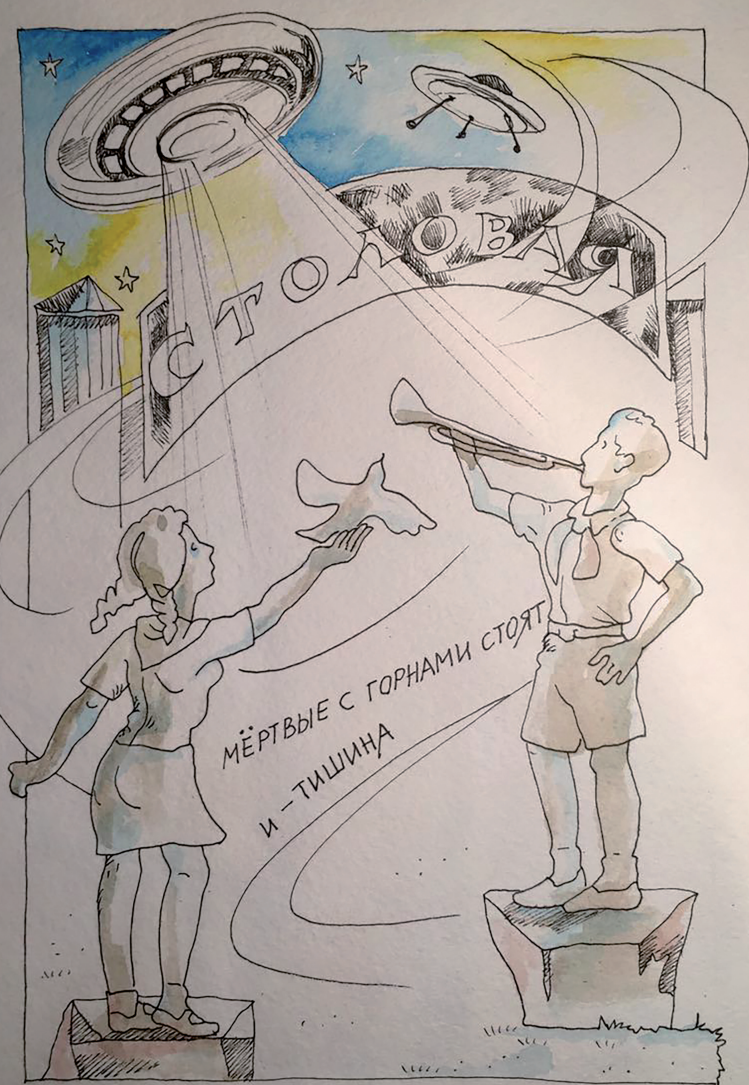

ОРНИТОЛОГИЯ

В кинобудке было тесно. В каменном мешке в три-четыре квадратных метра стояли металлическая кровать с панцирной сеткой, два стола, на которых стояли усилитель и магнитофоны, да еще старенький кинопроектор. Вообще, она очень напоминала голубятню, в которую с земли вела крутая деревянная лестница с перилами. Обычно в ней ни кто не жил.

Исключение составлял один человек. Звали его Миша Панин. Это был могучий человек, обладатель белых кед 46 размера, которые вечно крали пионеры, то для конкурса загадок в КВН, то для приколов над вожатыми. Себя лично он называл орнитологом, т.е. человеком не только изучающим повадки птиц, но и достигшего просветления, а именно, способности понимать их язык и общаться на нем. История эта небольшая, и я, пожалуй, ее расскажу. Как-то в столовую на завтрак зашел радист Миша, как всегда громко обсуждая с поварами размеры порции утреннего картофельного пюре с селедкой.

Имея философический склад ума, он любой разговор незаметно переводил в научную полемику, в которой ученым выступал он, а всем остальным отводилась роль бессловестного реквизита или препаратов в банках, глядя на которые ученый муж полемизировал сам с собой, рассуждая о смысле бытия. В этот раз все выглядело несколько иначе.

Миша очень любил себя и старался не перенапрягаться. Провести дискотеку подольше, записать фонограмму к спектаклю в тихий час – все встречало с его

стороны праведное возмущение грубым нарушением лагерного распорядка и режима. Он все делал вовремя. Вовремя вставал и чистил зубы, вовремя приходил в столовую, вовремя давал горн по трансляции, вовремя ложился спать.

Наверное поэтому, всегда был аккуратно одет, выглядел выпавшимся и сытым. Это в отличие от вожатых, которые носились по территории с выпученным глазом, рубились в футбол или волейбол с фанатизмом, нервно сучили ножками и переживали за свой отряд на многочисленных соревнованиях. Но как только им удавалось присесть, или даже прислониться к волейбольной стойке, глаза их непроизвольно медленно прикрывались, дыхание становилось замедленным, а сами они капитулировали перед чарами Морфея, становясь мягкими и податливыми, норовя осесть или еще лучше прилечь, что бы хоть как-то компенсировать хронический недосып.

Миша был совсем другим! Но в этот раз он вошел в столовую с темными мешками под глазами, взъерошенный, блуждая взором по столам и лицам, словно орудие с разбитым прицелом. Зная манеру Миши вести разговор в одни ворота, с ним редко кто заговаривал первым. Ну, уж если приходилось, то исключительно по делу! А так, да упаси бог!

Но в этот раз он был хмур и мрачен, неразговорчив и не улыбочив. Сев за вожатский стол со своей тарелкой, он долго размешивал по краям пюре, разгоня масляную лужицу в середине, наворачивая ложкой крути так, что маслице создавало свой золотистый след за алюминиевой ложкой. Практически целая селедка иваси, с мелко крошенным зеленым лучком дополняла этот натюрморт, уткнувшись головой в толстый кусок ржаного хлеба. Но ни что не радовало Мишу, и, отложив ложку, он произнес, обращаясь к сидевшим рядом вожатым.

- А вы знаете, я стал специалистом по птицам. Я их

речь научился понимать. А они, как ни странно, мою! – произнес он скорее задумчиво, чем агрессивно, как это обычно бывало.

- Орнитолог что ли? – уточнил с дальнего края стола с усами под «Песняров» художник. Его жена работала в библиотеке в НИИ ТП, да и сам он частенько любил побыть наедине с книжкой. В его косматой голове обитало немало умных словечек, но он не любил ими сорить без надобности, особенно на показ.

- Ор-ни-то-лог... - растягивая по слогам, произнес радист. – Может и орнитолог!

И он, возвращаясь к своей обыденной манере поведения, навалился на селедку с картошкой. За столом повисла пауза. Закончив завтракать, Миша поднялся, и переставляя свои ноги в белых кедах 46 размера, направился на выход.

- Чего это с ним, а? – спросил вожатый с бородкой.

Он был из новеньких, только обжился в лагерном коллективе, поэтому его вопрос ни кого не удивил.

- Видите ли, Сеня! – начал художник.

- Пребывание в пионерском лагере с детьми оставляет на душевном состоянии взрослого человека нестираемый след, делает самого индивидуума глубже, философичней, я бы сказал. Вы заметили темные круги под глазами? Вот! Это подтверждает, что ночь он провел в философских изысканиях... Здесь каждый что-то открывает в себе. Вот Инкин, он - энтомолог, он жуков на булавку нанизывает и на стенку вешает! Савельев – этот астроном и астрофизик, любое созвездие покажет на ночном небе. Мамонт. Мамонт вообще с Альдебарана! А вот я – спермадрофилист. Специалист по собиранию грибов на засолку! Почти что миколог, только цель другая, более прикладная для жизни.

Наверное, он мог бы и дальше запропасть мозги вожатого до состояния завязанной пионерками в узел ру-

башки, но в столовой почти ни кого не осталось кроме дежурного звена пионеров. Надо было бежать к отрядам.

Миша сидел на лавке у фонтанчика перед пионерской комнатой. Нарушая принятый распорядок, он курил, выпуская тяжелые кольца синеватого дыма в лицо стоящей напротив скульптуры Пушкина. Рядом на лавочку присел старший вожатый. Потеребив в руке пачку «Стюардессы», он засунул ее обратно в карман обшитых металлической молнией французских джинсов.

- Так что случилось, Миша? – начал он без обиняков. И остановился, ожидая ответа.

Тяжело затянувшись в очередной раз, тот выдохнул порцию синюшного дыма в Пушкина, от чего тот, казалось, еще больше отвернулся в сторону, и грустно начал.

- Видишь ли, старшой, лег я вчера после отбоя спать в кинобудке. Сам знаешь, жара на дворе, а в моей голубятне три маленьких окошка для демонстрации фильмов и те в клуб выходят. Свежего воздуха нет совершенно – начал свой рассказ Миша.

- Вот я дверь-то свою железную и приоткрыл. Комарье, как будто ждали! Ладно бы кусали – я их не чувствую, а то: Пи-пи-пи! Да, пи-пи-пи! – Я, понятное дело, их из баллончика, и дверь закрыл. Сажу в рубке и смотрю, как они будут умирать. Сначала вроде как попадали, а потом раскумарились и опять на взлет! А я, чувствую, без свежего воздуха мне кеды к утру уже могут и не понадобится. Кони двину конкретно! Ну, я дверь настежь, а сам дышать полной грудью.

Миша снова достал сигарету и попросил спичку. Сломав две, он все же раскурил сигарету и продолжил.

- Мне не в мочь, а эти все пищат и летают! Ну, я, как в армии, решил их портяночкой известить. Засмолил портянку. Она тлеет, дым тяжелый! Я ей в комаров тычу, а они, шельмецы, отлетают в сторону, а прочь не летят! А я, чувствую, в голове уже круженье. Вышел на лестницу, глот-

нул воздуха, и опять в бой! В этот раз я схватил веник и всех их перебил до одного. Короче, вконец измотанный, я просто рухнул на кровать в надежде забыться в тяжелом сне. И практически уже погрузился в мир грез. Практически заключил с Морфеем сделку. Практически отключился на перезарядку... Но в этот момент соловей на ветке, как раз напротив двери в радиорубку, начал такие рулады выдавать, такие коленца отчубучивать! Я сначала послушал его, может часок, может больше. Ну, не могу спать, и все тут! Вышел я из будки, закурил. А соловей, вот он, тварь божья! Протяни руку, и до него дотронешься. Уж куда птичка маленькая, а какой голос громкий! И такое во мне чувство, что все-все, о чем он поет, я понимаю, и могу словами объяснить! На небе уже и рассвет показался. Все, ночь кончилась! Ночь кончилась, а я еще и не спал! Докурил я сигаретку и говорю ему, соловью то есть: «А не летел бы ты, братец, отсюда куда подальше! Не мешал бы ты мне спать!» И что удивительно, - Миша сделал очередную затяжку и выпустил колечками переполнявший легкие дым медленно, словно нараспев – Понял, видно он меня своим птичьим разумом, а, может, догадался. Тряхнул крылышками и улетел. Посидел я немного, и к себе в будку. Только одеялом прикрывшись, только вздохнул по глубже, что бы расслабиться и забыться, а тут и будильник. Ни кто у нас в Москву не едет сегодня? Будильник новый что б купили... - и Миша тяжело вздохнул.

Александр Сергеевич, долгое время отворачивавший голову от табачного дыма, сидел со своими бакенбардами и взором, устремленным в бесконечность, держа на коленях книгу – источник знаний. Ни у него, ни у сидящего рядом с радистом старшего вожатого, не было комментариев на услышанный рассказ.

- Так про будильник не забудь спросить! – сказал Миша и, тяжело вздохнув, встал со скамейки и пошел в сторону своей киноподушки, переставляя кеды 46 размера,

только два дня как отобранные в 3 отряде, где их прибили гвоздями к отрядному уголку отряда «Оптимист».

- Спермодрофилист – пронеслось в голове старшего вожатого, - Специалист по грибам. Да, на орнитолога совсем не похоже.

Он тоже встал и пружинящей походкой в сандалетах на босу ногу, походкой, переходящей в легкую рысь, поспешил в старший отряд.

После закрытия третьей смены и летней оздоровительной компании на футбольном поле у подножья статуи Однорукого из всех отрядов принесли неопознанные вещи, что бы пионеры не расстраивали родителей известием о потерянных вещах. На раскинутом брезенте лежала огромная куча детских маек, трусов, курток. Резиновые сапоги и сандалеты с оторванными ремешками составляли холмик поменьше и располагались рядом. Большинство вещей имело пришитые метки с фамилией и отрядом владельца. Мимо кучи деловито прохаживался начальник лагеря, периодически нагибаясь и читая фамилию владельца вслух.

- Да он же только в первую смену приезжал! – негодуяще восклицал начальник.

- А тут, видишь ли, всплыл через два месяца! И он продолжал движение, деловито оглядывая потерянные пионерами и предназначенные для транспортировки в Москву вещи, где родители смогут зайти в профком и самостоятельно разыскать пропажи. Внезапно его взор упал на что-то диссонирующее с мелкими тряпками и игрушечной обувью. Из кучи торчал гулливеровых размеров белый кед. Подцепив его хворостиной, начальник потянул его к себе. Сопrotивляясь и разбрасывая окружающую его мелюзгу, из недр кучи появился родной братец первого, привязанный к нему как пуповиной шнурками.

- Ого! - восхищенно воскликнул коренастый начальник, рассматривая огромного размера обувь.

– А это ж из какого отряда? – и он вопросительно посмотрел на окружавших.

- Это от «чебурашек» принесли, от младших пионеров. Они его на ватман ставили и карандашом обводили на память, что такого размера обувь существует! А потом всем отрядом свои ступни внутри пририсовывали для контраста! – отозвались из окружения начальника. - Ну, дети теряют вещи – это понятно! А взрослым-то не стыдно? Что эта обувь делала в младших отрядах? – пытался разобраться начальник. Сухо и без эмоций последовали разъяснения из свиты.

- Их детишки как тотем свой использовали, потому и потырили. Третий отряд, второй отряд – кто только не заимствовал! Кто с разрешения, а кто и так. Миша Панин устал их по лагерю искать, вот и бросил. А они, видишь ли, у октябрят осели! Ну, сорванцы! – и по сопровождавшим начальника ответственным лицам прокатился легкий смешок.

- Панин – это радист что ль? Так он недели две как уехал в Москву – на работу вызвали! – что-то приводя в порядок у себя в мозгах, произнес начальник.

- Ну, для кого радист, а для многих он был просто орнитолог – специалист по птицам. Язык их, поговаривают, понимал, и даже общался. – последовал очередной комментарий.

По футбольному полю пролетела серенькая птичка очень похожая на воробья и уселась на ветке напротив двери в радиорубку.

- Скажи на милость! На работе ракетные двигатели испытывает. В лагере радистом работает. А на самом деле – орнитолог! Как люди в «Звездочке» открываются с неожиданной стороны! – вздохнул начальник и отдал команду, что б все добро грузили в машину с детскими чемоданами для отправки в Москву.